

КРУПНЫЙ ПЛАН

ДАМА
С КОШЕЧКОЙ

Это интервью началось с рассказа о котенке. Жалкий и голодный, несчастный и облезлый, он истошно мяукал под дверью Дома актера в Плесе, и никто его не хотел брать в прокорм. Пришлось это сделать актрисе Светлане Брагарник, воспитать из него лемура и потом по жизни отвечать на вопрос: ну как ваша Свиночка? Но кошки кошками...

— Вопрос глобальный, только не смейтесь. Уже больше тридцати лет вы держите на себе репертуар Театра имени Гоголя. Легко ли быть примой?

— Я могла бы сейчас закричать: «Какая я прима!..» Но я понимаю, что это так. Стоит спросить: легко ли быть актрисой вообще. Нелегко. Расшатанная нервная система, ненормальные роды, когда роль рожаешь, минуты простоя, а потом наступает момент, когда задумываешься: а кому это нужно, и не сбрасываешь ли ты свои патологические комплексы в профессию, и не занимаешься ли ты этим потому, что не очень здоровый человек...

— В спектакле «Записная книжка Тригорина» по чеховской «Чайке» вашу героиню Аркадину из состояния шока после известия о гибели сына выводят аплодисменты и крики «браво» — балзам на все ее раны. Аплодисменты действительно лечат?

— Аплодисменты — это знак. Целительные моменты, когда 600-700 или даже 20 человек — сколько забредет в театр — становятся единым целым, и ты знаешь, что можешь с ними все, что угодно, сделать: они тебя слушают, ты равна им, они равны тебе... А вообще этот спектакль болезненно правдивый. О том, чем человек жертвует, чтобы заниматься любимой профессией, чем платишь за счастье ходить на работу с удовольствием.

— А если спросить: легко ли быть примой гоголевского театра с акцентом на слово гоголевский? Вы свое географическое положение ощущаете?

— Ваш брат нам этого не дает забыть. Самые хвалебные рецензии начинаются с того, что в дыму паровозов Курского вокзала, среди бомжей, заросших вшами, стоит на отшибе старое депо, где копошатся 60 артистов во главе с режиссером Яшиным... Но какие задворки? Садовое кольцо, Курский вокзал, Комсомольская площадь — разве это захолустье? Мы находимся/практически в центре. А потом разве в местоположении дело?

— На публике это отражается? К вам приезжие ходят?

— Все приезжие бегут в Малый, в Большой, в Ленком отметить, чтобы живых звезд посмотреть и потом похвалиться. В наш театр идут те, которые хотят прийти именно сюда, у нас туристов не бывает.

— Вы играете Огудалову в «Бесприданнице», Констанс в «Верной жене», Эби в «Мышьке и старинных кружевах», Аркадину в «Записных книжках Тригорина», Марлен Дитрих в «Марлени», Сарру в «Иванове»... Сколько нужно народному артисту спектаклей в месяц, чтобы наиграться?

— А шут его знает. Иногда мечтаешь: ну дали бы передохнуть, но когда дают, думаешь: ну когда я перестану валяться на диване и пойду работать? Самое большое мучение — это выпуск спектакля: на блошином театральном диване между репетициями и спектаклем — спать, утром в театр входить, ночью выходить, и не знать, какая на улице погода.

— При таком богатом репертуаре о чем еще можно мечтать?

— У меня многое сбылось: Чехов, Островский, Уильямс, комедии, трагедии — все было, я наигралась. Молодая была, хотела Снегурочку сыграть Островского — не удалось. Об Ане в свое время мечтала, не получилось.

— Почему недавно вы отказались от Брехта в новой работе с молодым режиссером?

— Не люблю этого автора. Хотя я и выпускалась из ГИТИСа в Брехте: в «Страхе отчаяния» играла жену еврейку, причем у Эфроса, за что меня из института выперли, почему я в областной театр и попала сначала. Но к чему подробности...

— Как раз очень интересно.

— Будучи студенткой, я сыграла в опальном театре у Эфроса. А тут началась кампания по выживанию его из ГИТИСа и из театра — я под нее попала. Формальная причина была та, что я пропускала занятия, а пропускала потому, что играла спектакль. И осталась перед окончанием института без диплома, без общежития: я же из Риги. Что было делать — домой возвращаться?

Здесь показываться я не могу, у меня диплома нет, да еще не умея, не пробивая, с бытом у меня по сей день сложно. Наш дипломник режиссерского факультета Эдик Шестаков в то время выпускал спектакль в Областном театре имени Островского, и у него заболела артистка. Он меня пригласил на роль. И два года я там работала. Сыграла кучу ролей. Областной театр мне дал квартиру, нормальную зарплату, я получила кучу премий на фестивалях. Успела даже стать кавалером ордена «Знак почта» и в Театр Гоголя уже пришла орденосцем. А попади в то время в другой театр — у меня что-то с МХАТом мерцало, — сгинула бы в могучей труппе, стояла бы по сей день в массовке — кто знает? Там все решают за нас.

— Как вы решились из Риги приехать учиться в Москву?

— Я сама не знаю, что произошло. Я росла в семье морского офицера. Родилась на Сахалине, крошкой меня перевезли в Ригу. Мама экономист, никаких актерских корней не было. Я была косноязычна, не выговаривала тридцать две буквы алфавита и была застенчива до клиники. Костенела от ужаса, когда на меня кто-нибудь смотрел. Много читала, все время сидела в книжках и порывалась на школьных вечерах прочесть «Мцыри»: выходила, до половины дочитывала, потом меня кликнуло, и я убежала со школьной сцены в слезах и соплях под хохот зрительного зала. Причем я не была ни в пионерском лагере, ни в детском саду — мама не работала, и я сидела у ее юбки. И что за ветер оторвал меня от этой юбки и одну, беспомощную, погнал! Дома был

скандал. Если бы вы знали, как я в Москву приехала! С картонным чемоданчиком стою на вокзале и не знаю, куда мне идти. Я понятия не имела, что делать дальше. Слава Богу, мне кто-то объяснил, где общежитие ГИТИСа; на мое счастье, оно находилось рядом с Рижским вокзалом. Если бы я приехала на Белорусский вокзал, я бы до сих пор там стояла. В общежитие я поступала вечером — поезд из Риги приходит поздно, меня спрашивают кто такая, я объясняю: мне жить здесь надо, я буду поступать в ГИТИС. — «А документы есть, что ты абитуриентка?» — «Нет, а где их брать?» — «Так вся Москва к нам придет ночевать — иди отсюда». Стою я, реву возле Трифоновского общежития. Подходит ко мне сердобольная тетушка — уборщица и говорит: что ты тут реवेशь. Я, заикаясь, объяснила ситуацию, она: ладно, пойдем, переночуешь. Привела меня в столярную мастерскую, показала на верстак, покрытый стружками, — вот здесь будешь спать, закрыла меня на ключ, и я первую ночь в Москве провела на столярном станке. Утром стянула стружки и поперлась в ГИТИС со своим чемоданом, получив документы на право койки в общежитии. Явилась на первый тур, а я была девочкой домашней, молочной, с красными щеками, белыми волосами и синими глазами, вскормленная, яркая, и Раевский мне говорит: ну-ка, пошла умываться, ишь, насурьмилась! Я думаю, ну и законы у них, как поступать приходишь — умываться гонят. Ну ладно, мне не сложно, пошла умылась, а вода холодная — щеки стали еще краснее, глаза еще синее, ресницы еще чер-

нее. Вошла, Раевский от моей наглости аж задохнулся, подошел, по щеке пальцем провел — ой, говорит, да это у нее все свое! Потом я стала читать, не выговаривая ни одной буквы русского языка, мало того что с прибалтийским акцентом, да еще и с дефектами речи. Из есенинского «Пугачева» монолог Хлопуши, как я каторжник беглый, как у меня рваные ноздри, проведите меня, проведите меня к нему... Красная, толстая, заикаясь, рыдая, что-то я там сама себе орала... Кончилось тем, что меня отправили к логопеду — проверить, нет ли у меня патологических изменений зева и языка, смогут ли они меня выучить нормально разговаривать. Я говорила: «Я из Гиги» — то есть из Риги. Памятник надо поставить Раевскому, что он все-таки что-то разглядел, что меня не послали, куда подальше. Но это я говорю о том, какие мы приходили — не то что я уникальная, там три четверти были такие, как я. И какие сейчас поступают — все уже подготовленные, все знают, все умеют.

— Вы хорошо помните свою первую роль в Театре Гоголя?

— Разумеется. Меня взяли на Юлию Тугину в «Последнюю жертву» Островского. Я играла с Борисом Чирковым и Сашенькой Швориним, и конечно, была перепугана до полусмерти. Шворина я видела в фильме «Летят журавли», Чирков это вообще история. И вдруг они мои партнеры. Я испугалась, зажалась, и Шворин даже сказал режиссеру, что он не будет с этой перепуганной идиоткой играть, потому что она ничего не умеет. Когда я узнала об этом, то сказала: Александр Борисович, вы можете думать обо мне что

угодно, но просто я вас жутко стесняюсь. От такого признания и беспомощности моей, от ужаса перед его величием он так растрогался — чуть не заплакал. Стал моим другом и оберегал меня, как коршун. А за роль Тугиной я даже премию получила на каком-то фестивале.

— Сейчас есть актеры, рядом с которыми вы чувствуете стеснение?

— Я всех стесняюсь до сих пор. Может быть, это непрофессионально, но когда я вижу или общаюсь с каким-нибудь замечательным актером или актрисой, я зажимаюсь и чувствую себя зрительницей среди них. Девочкой из публики.

— С легкой руки Виталия Вульфа, в одном из интервью озвучившего, что народная артистка Светлана Брагарник, играя по пятнадцать спектаклей в месяц, получает 3 тысячи рублей, вся страна узнала о вашей зарплате.

— Это официальная зарплата. У нас целая система надбавок, но деньги в итоге все равно крошечные. Но хорошо, пускай страна меня жалеет. Мою любимую кошку невозможно прокормить на мою актерскую зарплату. Поэтому иногда приходится сниматься в сериалах. Хотя большой радости это не доставляет.

— Но любимая кошка по телевизору вас узнает? Вы на ней обкатываете монологи?

— Я с ней мастерство оттачиваю. Например, орет она — есть хочет, я говорю: «Что ты орешь? Мяса хочешь?! А ты знаешь, сколько это мясо стоит? А ты хоть копейку в дом принесла?» Она затихает, вступает со мной в диалог, отвечает мне, волнуется. Я свою кошку когда-нибудь с ума сведу, она понимает больше, чем ей нужно. Мне еще Раевский напророчил, когда я что-то плохо делала в институте, он смотрел на меня печально: «Брага-арник, моя кошка умнее вас...» А теперь я сама воспитала кошку, которая, по-моему, уже чуть-чуть умнее меня.

— Когда вы появляетесь с ней на улице, какая реакция у окружающих?

— Ну, это наша городская сумасшедшая, безумная нашей улицы. Мою кошку все знают. Когда я появляюсь без нее, спрашивают: а почему вы одна сегодня, без кошечки? А знаете, почему я ее таскаю? Из-за чувства вины перед ней — я бываю где-то, что-то вижу, а она, бедная, только дома сидит. Поэтому когда я могу — еду с ней отдыхать-гулять в Сокольники.

— Кстати об отдыхе. Я знаю, что вы как-то нетипично от многих съемок в кино отказывались, если они приходились на летнее время...

— Выбирала: или сниматься — или отдыхать. Мне на сцену потом через день выходить, ну и буду я умирать без отпуска целый сезон. Я уже кинозвездой не стану, а ролью больше — ролью меньше... Ну стоит у меня на шкафу приз Кинотавра за лучшую женскую роль 92-го года — за фильм «Сатана». Поставила я его на шкаф. Думала, все будут приходить и восхищенно спрашивать: «Что это?», а я буду скромно, потупив глазки, отвечать: «Ах, да, это приз Кинотавра за лучшую женскую роль...» А он такой страшный, что все, когда его видят, вскрикивают: «А!!! Боже!!!! Что это????»

А что касается отдыха, уже лет восемь подряд еду на Волгу, в Плес. Я случайно туда забрела и как-то привыкла. Коль скоро обнародовали мою зарплату, понятно, что Багамы мне не по карману, но и суэта курортов не по душе. Что мне нравится в Плесе: можно с утра до вечера ходить в рваных шортах и тельняшке с ненакрашенным лицом и с кошкой под мышкой. Лес, разливы реки, город красивый, по его улицам бродить, дома резные разглядывать — одно удовольствие. Недаром же Левитан для себя это место выбрал. А закаты! Сядешь на балкон своего номерочка — каждый день они разные. Полное расслабление, как в какой-нибудь глухой деревне. Когда я там, я даже не мечтаю, чтобы прилетел волшебник и сказал: выполню три желания...

— Какие?

— Я попросила бы об одном — самом хитром: чтобы он мне подарил волшебную палочку. Так я придумала и теперь жду, когда он появится.

— И что бы вы в первую очередь попросили у волшебной палочки?

— Помолодеть лет до 16, абсолютное здоровье и нечеловеческую красоту. И с этого нуля начала бы новую биографию.

Ирина КОРНЕЕВА